

НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 121

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

МОСКВА ■

2022

Никитский клуб
Н62 Цикл публичных дискуссий.
Его Величество Случай
Выпуск 121 — М., 2022 — 48 с.

В череде обсуждений в Никитском клубе, особенно на исторические темы, время от времени звучала мысль о том, что ход исторически важных событий нередко определял случай. Мысль не новая, однако с момента наблюдения едва ли найдено рациональное объяснение феномена, удовлетворяющее как требовательный ум, так и душевные сомнения.

В Толковом словаре Владимира Ивановича Даля находим: «*Случай или случайность есть безотчётное и беспричинное начало, в которое веруют отвергающие провидение*». Тема «Его Величество Случай» была сочтена уместной для предновогоднего заседания. Обсуждение подтвердило, что в научном мире человечество так же делится как на сторонников причинно-следственной связи в любом случае, так и на тех, кому ближе чувство непредсказуемости, необъяснимости Случая в рамках обычной логики.

Заседание
Его Величество Случай

21 декабря 2022 года

Участники обсуждения:

Дементьев Виктор Евгеньевич, руководитель направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, кандидат психологических наук

Зелёный Лев Матвеевич, научный руководитель Института космических исследований РАН (ИКИ РАН), доктор физико-математических наук, академик РАН

Каплан Александр Яковлевич, заведующий лабораторией нейрофизиологии и нейроинтерфейсов биофака МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор биологических наук, профессор

Кузнецов Олег Петрович, главный научный сотрудник Института проблем управления РАН (ИПУ РАН), доктор технических наук, профессор

Миркин Яков Моисеевич, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, ГБОУ «Пушкинский лицей»

Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор

Привалов Александр Николаевич, вице-президент – председатель Совета Никитского клуба

Привалова Мария Александровна, директор ЦУНБ имени Н.А. Некрасова

Разумовский Феликс Вельевич, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»

Тамбовцев Виталий Леонидович, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Трояновский Алексей Маркович, заместитель директора Института физических проблем РАН имени П.Л. Капицы, кандидат физико-математических наук

Устюжанина Елена Владимировна, руководитель отделения макроэкономики и моделирования региональных систем ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории РЭУ имени Г.В. Плеханова

Чернихов Андрей Александрович, руководитель Архитектурно-дизайнерской мастерской Андрея Чернихова, профессор Международной академии архитектуры (IAA)

Черниговская Татьяна Владимировна, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических наук, доктор биологических наук, член-корреспондент РАО

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», писатель, доктор философских наук

Заседание ведёт **А.Н. Привалов**

А.Н. Привалов, вице-президент – председатель Совета Никитского клуба

Добрый вечер, коллеги! Позвольте начать наше предновогоднее заседание с такой несколько расплывчатой программой под названием «Его Величество Случай». Думая о том, с чего нужно начать это заседание, я, естественно, обратился к кладези народной мудрости. Наверное, у кого где, у нас известно где, у нас — у Владимира Ивановича Даля.

А.Н. Привалов (справа)

Помню, такой замечательный у меня случай был. Наш предыдущий градоначальник в какой-то момент озарился страстью брать на всё патенты. Он запатентовал пятирядное движение на МКАДе, он запатентовал ещё что-то, и он запатентовал расстегаи. Я тогда ещё по журналистской обязанности посмотрел эти патентные заявки, и там было объяснение, что такое расстегай. Примерно два абзаца абсолютно непроизносимой белиберды.

Я открыл Даля и узнал, что расстегай — это пирожок с прорешкой. Все! С тех пор я твёрдо знаю, что, когда хочешь что-то понять, не обязательно будет успех, но сначала сходи к Далю. Про про «апроприацию» или «гиперсексуальность» там можешь не прочесть, а про простые слова лучше читать там.

И вот, значит, открываю я Даля и читаю, что такое случай. «Случай или случайность, — по Владимиру Ивановичу, — есть безотчётное и беспричинное начало, в которое веруют отвергающие провидение». Некоторым смешно, некоторые полагают, что это мнение пребывающего во мраке невежества простонародья. Да ничего подобного. Кандидат Петербургского императорского университета, довольно культурный человек Александр Александрович Блок думал, по-видимому, точно так же, потому что, вспомним:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый
Иль ясность божьего лица.

То есть «иль» противопоставляет вполне жёстко: либо сумрак неминуемый, либо ясность божьего лица и как-то третьего не дано. Но дальше он продолжает:

Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, чем дышишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Для того чтобы увидеть, что мир прекрасен, по Блоку случайные черты надо стереть. Уже тогда было понятно, что это несколько анахронично. Но, скажем, человеку, который читал Чехова, трудно доказать, что случайные черты могут быть стёрты. Но тем не менее мысль вполне ясна. Вот есть «провидение», есть «ясность божьего лица». Есть неведомо как вторгающийся в это случай, который желательно элиминировать, для того чтобы легче стало жить.

Но тут пошла вперёд наука. В частности, придумали такую вещь, которая квантовая механика. Я не буду в неё вдаваться, не беспокойтесь, бога ради, я лишних слов не скажу. Но по всем основным прочтениям классической квантовой механики, уже классической квантовой механики, в микромире сплошь есть вещи, в которых случайность элиминировать нельзя, потому что там нет необходимости. Скажем, для единичного атома при полном тождестве всех параметров, которые имеют какую-то причинную связь с его поведением, невозможно предсказать, распадётся он или не распадётся. В принципе невозможно, там только случайность. Отсюда выходы на вероятность, на информативность, на много-много про длинновенных и страшно сложных вещей.

Становится понятно, что без случая нельзя и со случаем — тревожно, потому что господин Даль с подсказок русского народа не зря же сказал, что в случай веруют те, кто не верует в провидение. Какая-то вот грань должна быть, а где она — никто не знает. В частности, никто не знает, где эта грань проляжет сегодня.

Мы сейчас поговорили с Семёном Аркадьевичем о том, что он будет говорить в своем вступительном слове. Я не буду ничего выдавать. Но то, о чём он будет говорить, никоим образом не ограничивает дальнейшего обсуждения. Мы сможем говорить о том, что такое случай для нас лично, что такое случай для нашей страны, для кого угодно другого. А как этот разговор пойдёт, это, как выражаются малокультурные люди, как фишка ляжет.

Семён Аркадьевич, прошу вас.

С.А. Экштут, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», писатель, доктор философских наук

Спасибо большое. Александр Николаевич артистично изложил в одном абзаце всю предшествующую историю философии. Если мысленно переместиться в IV–III век до нашей эры и обратиться к наследию Эпикура, то следует вспомнить его знаменитую мысль о том, что люди мало образованные веруют в случай, не желая постигнуть

лежащие за этим случаем законы. А Демокрит вообще говорил, что он предпочтёт персидскому престолу возможность исследовать причину любого самого незначительного явления. То есть случайность отождествлялась с нашим незнанием, случайность отождествлялась с нашим невежеством и случайность отождествлялась с невозможностью постичь причины каких-то событий. Вот когда не могли постичь эти причины, говорили о случайности.

С.А. Экштут
(слева **Ю.А. Петров**, директор ИРИ РАН)

И получилось так, что, начиная где-то с новейшего времени, со строгой науки, которая базировалась на математике и математикой проверялась, с того момента как учёные мужи стали заниматься изучением закономерностей, — в науке стремились случайность из картины мира изгнать. И давняя мысль о том, что незначительные причины, например отклонение атомов от основной линии у Эпикура, могут привести к большим последствиям, — эта мысль присутствовала, но не развивалась, её старались элиминировать.

К XVIII веку сложилась очень интересная ситуация. Закономерность отождествлялась либо с Провидением и Божественной волей, либо с законами природы, случайность же трактовалась как нечто второстепенное, как нечто такое, чем можно пренебречь. И этим воспользовались энциклопедисты, которые боролись с религией, с католической церковью, с её догматами. Они стали развивать идею случайности в противоположность Провидению, Божественной воле. И именно французские энциклопедисты сформировали и укоренили мысль о том, что из незначительной причины могут вырасти очень серьёзные следствия.

Дальше в истории науки и в истории культуры мы наблюдаем очень сильное размежевание. В науке случайность практически изгнали из картины мира, великий Гегель говорил так, что мы должны постичь наш мир в его закономерности, не может быть речи ни о какой случайности, когда мы пытаемся философски осмыслить историю. И Гегель говорил о так называемой арабескной манере писать историю, когда

из какой-то случайности, из какого-то анекдота пытаются вывести большие следствия. Гегелю это не нравилось. В научной картине мира подобного рода трактовка событий изгонялась.

Иное дело культура, иное дело художественная литература и беллетристика. Там мысль о том, что из маленькой причины, из случайности может вырасти большое и никому не ведомое следствие, — вот эта мысль укоренилась и дала обильные плоды, которыми мы по сию пору наслаждаемся. Если вы вспомните, скажем, пьесу Эжена Скриба «Стакан воды», может быть, не все читали пьесу, но наверняка все видели блистательный телевизионный фильм с Кириллом Лавровым и Аллой Демидовой в главных ролях. Сюжет пьесы Скриба восходит к известному анекдоту о перчатке герцогини Мальборо, который приводит и Вольтер, и Гольбах. Там речь шла о перчатке, а не о стакане воды, который герцогиня пролила.

В итоге мысль о том, что, если бы не тот или иной случай, не было бы каких-то больших событий, укоренилась в художественной литературе и благополучно там существовала, принося обильные плоды. Всей приключенческой литературы бы не существовало, не было бы «Трёх мушкетёров», если бы не случай. Вспомните, если бы Д'Артаньян чуть позже или чуть раньше прибыл на постоянный двор, не столкнулся бы с незнакомцем из Менга, — вообще не было бы «Трёх мушкетёров», развитие пошло бы по другой линии.

Итак, эти две линии постижения случайности учёными и беллетристами существовали, каждая сама по себе. Действительно, не только учёные мужи, но и даже некоторые художники пытались «стереть случайные черты», чтобы доказать красоту окружающего мира. Но тем не менее случай продолжал существовать и время от времени напоминал нам о том, что без случая наша картина мира будет не полна.

Когда я размышлял о том, что скажу сегодня, я вдруг сообразил, что, может быть, это случайность, может быть, это неосознанная закономерность, но сегодня официально день рождения товарища Сталина, а спустя пять дней будет очередная годовщина со дня восстания декабристов. И я решил привести два примера, когда мы наблюдаем фундаментальную роль случая, причём привести примеры такого рода, которые не очень-то затасканы и не очень известны даже тем, кто профессионально занимается именно этими периодами истории.

Подчёркиваю, что меня, во всяком случае, в университете учили по Гегелю, мне пять лет вбивали в голову мысль о том, что мы, философы и историки, должны изгнать случайности из нашей картины мира, ибо любая случайность — это неосознанная закономерность или точка пересечения двух закономерностей. В самом крайнем случае, как говорил Плеханов, может быть случайность второго порядка, это когда к ничего не ведающим туземцам в Америке вдруг... **(Телефонный звонок.)**

С.А. Экштут

Я прошу прощения.

А.Н. Привалов

Случайность второго порядка.

С.А. Экштут

Да. Вот видите, это та самая случайность второго порядка, когда к ничего не ведающим туземцам Нового Света вдруг приплывают на судах лихие ребята из Старого Света и вся их жизнь идёт в тартарары. Вот так мне объясняли, что и это есть случайность второго порядка, потому что с точки зрения закономерностей внутреннего развития Америки неожиданное прибытие к ним колонизаторов было абсолютно не закономерным, но вот... И дальше этих слов разговор не шёл.

Тогда я подумал о том, что, если мы в нашу картину мира включим фундаментальную роль случая, мы иначе сможем представить и саму картину мира, и себя в этой картине, и сможем иначе посмотреть на то, что происходит сейчас, потому что сейчас мы тоже наблюдаем фундаментальную роль случая. Во всяком случае я уверен в последнем утверждении.

Мысленно перенесёмся в 1825 год. На календаре 1 сентября 1825 года. В это время все образованные люди Гегеля, естественно, не читают, а потому верят в фундаментальную роль случая. Они знают, что случай надо схватить за что угодно и удержать, что фортуна — дама, конечно, непостоянная, но в колесо фортуны можно вбить свой золотой гвоздь. Так вот, член тайного общества Александр Бестужев-Марлинский пишет такие стихи [Сон. 1829]:

...
И случай, преклоняя темя,
Держал мне золотое стремя,
И, гордо бросив повод,
Я поскакал туда, туда!..
Летим — сорвал бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы,
И брызжут пламенем подковы,
Гремя о плиты и гробы.

...

То есть образованный человек, живущий в Российской империи в первой четверти XIX века, искренне верит в то, что ему, штабс-капитану Бестужеву, может представиться счастливый случай. Он потенциально готов этот случай не пропустить. И он страстно мечтает о своём Тулоне, он мечтает о своём Аркольском мосте, и он нетерпеливо надеется, что судьба распорядится таким образом, что ему представится этот счастливый случай — и уж он этот случай не упустит.

Итак, одна тысяча восемьсот двадцать пятый год. Итак, 1 сентября. Государь император Александр Павлович покидает Петербург. У него смутные предчувствия, он практически убеждён, что не вернётся в свою столицу. Он мрачно настроен. Он уезжает на юг, побывает в Крыму, в конце концов, скончается в Таганроге. Предчувствия его не обманули.

Во главе всей империи становится один человек — граф Алексей Андреевич Аракчеев. Канцелярия императора подчиняется ему, то есть все делопроизводство идёт через его руки. Ему подчиняется Комитет министров, ему подчиняется Государственный совет во главе Военного министерства, во главе Главного штаба Его Императорского Величества стоят его ставленники. В его руках необъятная власть, плюс у него ещё есть чистые бланки с подписью императора. То есть чисто

теоретически любого подданного империи он может отправить в места не столь отдалённые, вписав его имя в этот бланк. И казалось бы, что может поколебать власть этого человека, о котором пишут в эпиграммах, его называют «всей России притеснитель, губернаторов мучитель», всячески поносят, но никто не пытается с ним бороться, потому что все понимают, что это бесполезно. Царь верит Аракчееву абсолютно.

Дальше происходит следующее. На вершине власти Алексей Андреевич Аракчеев удерживается ровно 10 дней, потому что 10 сентября происходит трагическая случайность. Дворовые люди графа Аракчеева во главе с поварёнком зарезали его любовницу, домоправительницу, его фаворитку Настасью Минкину. Граф бросает все дела, едет из Петербурга в Грузино, погружается в печаль, начинает заниматься расследованием и перестаёт заниматься государственными делами до такой степени, что даже не следит за своим внешним обликом, перестаёт бриться. У него отрастает жуткая борода, он меняется внешне. И о том, что следствие ведётся с нарушением всех процессуальных норм, все знают, Герцен об этом написал, там есть такой яркий образ — «покрасневший от крови Волхов».

Подозреваемых секут кнутом, некоторые умирают, но при этом забывают одну вещь, что это не Аракчеев распорядился вести это судебное следствие столь жестоко. Так повелел император. Государь отказывается признать случайностью убийство Минкиной. Он уверен, что это осознанные козни злоумышленников, которые умышленно хотят досадить его самому верному слуге. Я сам прочитал об этом в письме императора, которое было опубликовано ещё 150 лет назад. Император настаивает на том, чтобы следствие велось со всей возможной строгостью, и просит, вернее, повелевает передать об этом губернатору, поэтому губернатор ведёт следствие с нарушением всех процессуальных норм. И кнутом секут беременную женщину, что запрещено законом.

И дальше один из современников произносит такую фразу в Петербурге: «Смотрите, решительный поступок одной девки меняет судьбу 50 миллионов россиян». Никак не могли убрать Аракчеева от кормила власти. И вот, пожалуйста, цепь роковых случайностей. Минкина наказала свою горничную, горничная пожаловалась брату. Брат был тот самый поварёнок, и в итоге дворовые люди Настасью зарезали. Если бы эта горничная стерпела, то её брат не совершил бы убийство и вообще была бы другая картина.

В этот момент царь в Таганроге получает донос на тайное общество. Он понимает, что не сегодня-завтра может в стране вспыхнуть восстание. Он понимает, что надо что-то делать с членами тайного общества. Здесь я немножко спрямляю ситуацию. Император просит Аракчеева приехать к нему в Таганрог. Аракчеев же в этот момент устранился от всех государственных дел. Он не в состоянии — психологи, возможно, объяснят этот феномен, но он отказывается приехать. Он горюет, он богохульствует, восстаёт против Провидения. Говорит высшим церковным иерархам: вот докажите мне после зверского убийства моей возлюбленной, что есть Провидение, докажите мне, что есть Бог. Не поверю я вам, смиренную женщину зарезали.

В итоге царь Александр оказывается в одиночестве, потому что если он кому и доверяет, то только лишь одному Аракчееву. И если бы в этот момент Аракчеев приехал в Таганрог, то, вероятно, никакого восстания декабристов бы не было, потому что

всех подозреваемых просто пересажали бы. Их имена уже были известны. Дальше царь Александр впадает в меланхолию, и незначительной простуды, незначительного гриппа оказывается достаточно, чтобы жизнь его пресеклась: 19 ноября 1825 года государь умирает.

А в Петербурге этот решительный поступок одной молодой девки возбуждает умы. В этот же день, 10 сентября, происходит ещё одно случайное событие — дуэль Чернова с Новосильцевым. Оба дуэлянта погибают. Но когда хоронят Чернова, то за его гробом в погребальной процессии движется свыше 200 карет. Эту траурную демонстрацию организуют члены тайного общества (подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка Константин Чернов — член тайного общества и родственник Кондратия Рылеева), после чего они уверовали в свою силу. И им кажется, что достаточно совершить один решительный поступок, чтобы переломить любую ситуацию.

Эти два случая, смерть дуэлянтов и смерть Настасьи Минкиной, убеждают членов тайного общества, что нужно действовать. Как впоследствии напишет Иван Пущин, «мы во всей силе заслужим имя подлецов, если упустим и этот случай», потому что уже несколько благоприятных случаев члены тайного общества упустили.

Что произошло дальше, вы хорошо знаете. В своё время выдающийся писатель и историк Натан Яковлевич Эйдельман, которого очень интересовала роль случайностей в истории, насчитал порядка десяти благоприятных случаев, которые были упущены восставшими членами тайного общества. То есть они могли захватить Петропавловскую крепость — не захватили, могли захватить дворец — не захватили, могли убить императора — не убили. Могли захватить пушки Гвардейского экипажа, там было четыре орудия, — не захватили, и так далее, и так далее. До десяти случайностей, которые они упустили. Если бы не этот случай, историческая картина сложилась бы совсем иначе.

Здесь я делаю некий абзац и перехожу к другому случаю, который тоже имел очень серьёзные последствия. На нашем календаре на сей раз 1951 год. В служебном московском автобусе едет в штатском никому не ведомый следователь по особо важным делам Рюмин, подполковник госбезопасности. Он везёт с собой в портфеле очень важные дела, там протокол допроса очередного врага народа. Короче говоря, в автобусе он забывает злополучный портфель, то есть теряет важные, совершенно секретные документы Министерства государственной безопасности. Представьте себе то суровое время. Представьте себе и то, что уже восстановлена в своих правах смертная казнь. Представьте себе то, что должен был чувствовать этот человек. И ему нужно каким-то образом сыграть на опережение, потому что дальнейшая его судьба просчитывается, что называется, на раз.

Персональное дело подполковника Рюмина рассматривает партийная организация в Министерстве государственной безопасности. Рюмина вызывают на партбюро, его «песочат», после чего объявляют выговор. Дальше за выговором должно следовать увольнение из МГБ, за увольнением, скорее всего, арест. То есть картина просчитывается на раз.

Что делает подполковник Рюмин — он пишет донос на своего собственного начальника, министра госбезопасности, генерал-полковника Виктора Семёновича Абакумова, обвиняя его в целом ряде вещей, и идёт на подтасовку фактов, потому

что за полгода до этого после допроса умер, как было сказано в документах, еврейский буржуазный националист Яков Этингер.

Врач, известный в Москве консультант Кремлёвской больницы, очень хороший специалист. У него был один недостаток: он любил поговорить, но не просто поговорить, а поругать советскую власть. Всё бы ничего, но его квартира прослушивалась, как и квартиры других высокопоставленных интеллигентов. Прослушивалась давно, но как-то у Абакумова не доходили руки арестовать врача. Когда его арестовали, Абакумов решил его допросить в присутствии Рюмина. И, в частности, спросил, чем вы, собственно, недовольны, что вы ругаете советскую власть. Что вы говорите, что вот там евреев притесняют, посмотрите, как шикарно вы живете, у вас есть квартира в центре, у вас есть машина, у вас есть дача. На что Этингер — ему бы промолчать, а он вступает в пререкания с министром — говорит: «Квартира, да, есть. А вот дачи и машины нет».

Дальше, видимо, решив защищаться, врач сказал: «Я ведь консультировал ряд высокопоставленных пациентов. Ведь, когда самого Щербакова (Сталин называл его «мой маршал пропаганды») лечили, меня вызывали для консультаций». «То-то вы его лечили, — говорит Абакумов, — он ведь умер». «Ну, он был безнадежен», — отвечает Этингер.

Рюмин повернул это дело таким образом в своём докладе, что якобы он допрашивал врача на предмет террористической деятельности, в которой врач уже готов был признаться, но Абакумов своим поведением, таким небрежным тоном, по сути, дал понять врачу, что не надо сознаваться в наличии террористических замыслов. Надо ограничиться лишь тем, что он ругал советскую власть. Да, ругал, да, был недоволен своим положением — обычная бытовуха, каких много. То есть Абакумов якобы сознательно подсказал подследственному, как надо отвечать на вопросы, и фактически бросил Этингеру спасательный круг. И эту историю Рюмин обыгрывает в письме Сталину.

Дальше в этом конкретном случае я не рискну произошедшее назвать случайностью, потому что это не случайность, это уже сугубая закономерность, это уже борьба за власть, — письмо Рюмина попадает к помощнику Маленкова Суханову. Суханов передаёт Маленкову, Маленков передаёт Сталину, и Сталин видит следующее. А в письме содержится целый ряд таких технических подробностей, как работает МГБ. В частности, Рюмин вскрывает эту кухню, некоторые нюансы которой Сталин в тот момент, видимо, не понимал, потому что по сравнению с тем, что было при Берии, и с тем, что было при Ежове и ещё раньше при Ягоде, — в МГБ произошли определенные изменения.

И, собственно, в этом конкретном случае, опять же сработала случайность — каким образом этот недоучившийся бухгалтер, а Рюмин бухгалтер по основной своей специальности, он не кадровый чекист, попадает МГБ. Он в годы войны оказался в Архангельском НКВД, туда приехал с проверкой Абакумов, увидел, что Рюмин на пустом месте состряпал дело — на пустом месте, просто выбил показания, — вызвал Рюмина к себе и сказал: ну что, крепко допрашивали, сильно били? Рюмин развёл руками, кивнул. А, подвёл итог Абакумов, хорошо. И он забрал его в Москву. Ему нужен был такой человек, способный выбивать показания. Абакумов всё прекрасно понял, он был достаточно циничен.

Абакумов завёл в МГБ такой порядок, что у него было два рода следователей, и он сам об этом откровенно написал потом в покаянном письме к Сталину. Одни выбивали признательные показания, а другие составляли итоговый протокол, причём эти два рода следователей между собой не взаимодействовали, а каждый допрос не протоколировался. Человека могли допрашивать двадцать раз, а в итоге откладывался один или два протокола. Нередко бывало и так, что сейчас, когда дела вскрывают, рассекречивают, выясняется, что человек сидит давно, вроде его допрашивают, а никаких протоколов нет. Итоговые протоколы допросов должны были составлять другие люди, более грамотные, более образованные следователи. Абакумов наладил этот конвейер. Повторю, что эти два рода следователей друг с другом не соприкасались. И тот, кто писал протокол, зачастую в глаза не видел подследственного, поэтому всем этим рассекреченным документам особой веры, к сожалению, нет, и нужно напрягать свою фантазию, чтобы восстановить реальную картину дела.

Собственно, почему письмо Рюмина заинтересовало Сталина — потому что вождь вдруг осознал, что при сложившейся системе работы Абакумов может докладывать о каких-то событиях, а может не докладывать. Потому что Абакумов несколько раз говорил тому же Рюмину, что не надо об этом докладывать в ЦК, лучше мы ещё допросим этого человека, пока что я не вижу оснований для доклада. Сталин хотел знать всё, но знать всё он не мог физически. Ему нужно было быть уверенным в том, что те люди, которым он доверяет, его не могут обмануть в принципе. А сталинская логика заключалась в афоризме, который он однажды сформулировал в письме к одному из своих соратников: если это не исключено, то есть возможность совершения преступления, значит, это возможно. Абакумов был верным псом Сталина. Абакумов был, может быть, человеком, который до кончиков ногтей был предан Сталину и никогда бы не пошёл против вождя.

У Абакумова не было никаких связей в высшем партийном руководстве, он всегда был сам по себе. И за счёт этой аппаратной многоходовки, разыгранной Маленковым, за счёт того, что этот благоприятный случай был им использован сполна, Абакумова выводят из игры. Сначала отстраняют от должности, очень быстро арестовывают и на полную катушку начинают раскручивать его дело.

Стряпают дело о так называемом сионистском заговоре в МГБ, потому что Рюмин педалирует еврейскую тему. Рюмин говорит, что, по сути, всем в МГБ верховодят евреи, а Абакумов им покровительствует, Абакумов идёт у них на поводу. И дальше начинает раскручиваться новый виток репрессий. Начинается знаменитое «дело врачей», к которому формально Абакумов не имел никакого отношения, потому что оно началось, когда он уже сидел в тюрьме. Но его пристёгивают к этому делу, говорят, что он не дал ход тем или иным бумагам, и в итоге Сталин фактически оказывается в одиночестве, потому что под дело Абакумова подстёгивают начальника охраны Власика. Под дело Абакумова подстёгивают многолетнего секретаря вождя Поскрёбышева, как верный Мухтар, преданного Сталину, — и к началу 1953 года вождь и учитель оказывается совершенно один. Ему противостоят Маленков, Берия, Хрущёв и другие товарищи, которые понимают, что они уже взвешены на весах Судьбы, не сегодня-завтра Сталин с ними расправится.

Наконец, ещё одна случайность, что называется, как вишенка на торте, под занавес. Мне дважды приходилось быть на Кунцевской даче Сталина, и я видел то место, где он упал в обморок и где он скончался. Я находился в той точке, где должен был находиться дежурный офицер охраны. Офицеру охраны запрещалось без сталинского распоряжения пересекать некую красную линию. Так вот с той точки, где находится пульт охраны, та точка, где упал в обморок Сталин, не просматривается. Сталин упал в некоем мёртвом пространстве. И если бы ему своевременно была оказана медицинская помощь, возможно, он бы ещё прожил какое-то время. Вот сработал ещё один случай.

Я вовсе не претендую на постановку проблемы. Я не претендую и на её решение, но хочу обратить внимание всех присутствующих, что в истории очень часто наблюдается фундаментальная роль случая. До недавнего времени мы роль случайностей игнорировали, и я призываю хотя бы к тому, чтобы мы вот эти случаи для начала фиксировали, а далее осмыслили, потому что таким образом наше представление о мире станет более многомерным, более объёмным и, с моей точки зрения, более правильным. Может быть, даже более оптимистичным, потому что, как говорил Демокрит: «случай не надёжен, но щёдр». Все, спасибо.

А.Н. Привалов

Большое спасибо, Семён Аркадьевич. Вы всегда чрезвычайно познавательны. Очень большое не просто интеллектуальное удовольствие, а какое-то такое детское ощущение всемогущества возникает, когда вас слушаешь. Всё можно знать, всё! На самом деле, ничего знать нельзя, но всё знать можно.

И я должен сознаться в ужасном грехе. Когда вы стали говорить о том, что вот, случайно убили эту барышню в Грузино, должен сознаться и, думаю, не у меня одного была мысль: ага, случайно, ага, как же, как же! Потому что только что, совершенно «случайно», без малейшей помощи англичан пристукнули папашу Александра Павловича, вот только что [император Павла I был убит в марте 1801 г.]. Поэтому мы должны верить, что, когда что-то склудилось вокруг Александра Павловича, — оно случайно. Извините, я вот не мог этого не подумать, хотя, наверное, вы правы. Наверное, Грузино действительно было без англичан. Ну, наверное.

С.А. Экштут

Царь считал, что за этим кто-то стоит.

А.Н. Привалов

Царю было виднее. Всё-таки, когда с твоим участием убили папу, становишься немножко подозрительным, вот чуть-чуть.

С.А. Экштут:

Да.

А.Н. Привалов

Ещё раз огромное спасибо.

Теперь у нас, значит, я даже не понимаю, что провозгласить. Есть ли вопросы к докладчику? Пожалуйста, Михаил Иванович.

М.И. Москвин-Тарханов

Вот вы очень интересно про Минкину рассказали и про её убийство в Грузино, а мы вспоминаем «Бал сатаны». Там Минкина среди гостей Воланда, и Коровьев говорит: если жечь лицо женщины щипцами для завивки, обязательно зарежут¹. Вполне возможно, что те случайности, которые мы видим, действительно вещи детерминистские. Это всё на самом деле очень любопытное явление. Вот у Булгакова случай воспринимается как не существующий? Или всё движется силами Провидения, антипровидения, неважно? Или это просто такие фигуры, литературные приёмы?

С.А. Экштут

Я думаю, что это литературные приёмы, потому что, по Булгакову, случайность — это не беспричинность, любая случайность имеет причину, с чем я не спорю. Но предсказать действие этой причины в данный момент времени и в данном месте невозможно, потому что Минкина и раньше жгла лицо щипцами. Она и раньше очень жестоко поступала с дворней, она же сама-то из крепостных. Она и раньше вела себя не очень гуманно. Но в сентябре 1825-го всё как-то очень совпало.

Относительно англичан и папаша я совершенно согласен с нашим уважаемым Александром Николаевичем. Здесь в чистом виде английское золото, здесь в чистом виде британская интрига, здесь никакой случайности. Тут жёсткая закономерность, тут чёткий детерминизм. А в случае с Минкиной — это случай в чистом виде. Вот так совпало.

М.И. Москвин-Тарханов

Вот совпало. Извините, я продолжу немножко свой вопрос. Вот совпадение. Эйнштейну приписывают фразу: «При помощи совпадений Бог сохраняет анонимность».

---

¹ «Минкина, ах как хороша! Немного нервозна. Зачем же было жечь горничной лицо щипцами для завивки! Конечно, при этих условиях зарежут!». (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. «Великий бал у сатаны», гл. 23).

Вот кто-то может считать совпадением, а кто-то — Провидением. В данном случае вы очень хорошо сказали, что жгла-то она много раз, но вот оно случилось.

Совпадение, может быть, даже более важно, чем собственно случай, потому что, чтобы случай стал влиятельным, должны совпасть несколько обстоятельств.

С.А. Экштут

В пушкинские времена случай называли так: инкогнито Провидения (Провидения с большой буквы). И Пушкин писал, что невозможно предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия Провидения. Лично я придерживаюсь пушкинской точки зрения. Можно потом, когда мы обладаем некими знаниями, когда мы можем посмотреть на ситуацию в каком-то большом историческом масштабе, как тот же Булгаков говорил, что, если вы хотите управлять, нужно иметь запас времени хотя бы лет так 500. Так вот, если посмотреть в 500-летнем масштабе, тогда действительно можно увидеть некую закономерность. Бога ради, не спорю. Но если мы начинаем приближаться к какому-то событию, мы начинаем наблюдать фундаментальную роль случая. И в этом месте я немножко изменяю ракурс.

В прошлый раз мы много говорили о Гражданской войне². Мой коллега, доктор исторических наук Андрей Владиславович Ганин, наверное, больше других написал книг о Гражданской войне, толстых, больших, тщательно фундированных книг, в которых скрупулёзно исследовал множество человеческих судеб. И однажды, разговаривая с ним, я ему сказал: «Андрей, вы никогда не задумывались, что в судьбе всех ваших героев прослеживается роль случайности, потому что не было никакой предзаданности в том, чтобы они пошли за белыми или за красными?» Он как-то задумался, и в своей новой книге «50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922» он именно эту тему, роли случайности, начинает педантировать и факты начинают играть более ярко, с моей точки зрения.

То есть я ратую за то, чтобы мы вместе с водой не выбрасывали ребёнка, а ребёнок в данном случае — это случай, или инкогнито Провидения.

А.Н. Привалов

Вопросы имеются ли? Прошу вас.

Л.М. Зелёный, научный руководитель ИКИ РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН

Семён Аркадьевич, я всё-таки с вами поспорю вот по поводу примера...

А.Н. Привалов

Поспорить потом, сначала вопросы.

Л.М. Зелёный

Может быть, я закончу, и это будет как вопрос. Действительно ли те события, «дело врачей», являются случайными? Вы как-то свели это к письму, которое Рюмин

---

² «Война, которую не объявляют. К 100-летию окончания Гражданской войны в России». — Заседание Ни-китского клуба 24 ноября 2022 г.

потерял. Но ведь известна «любовь» Сталина к Троцкому, Зиновьеву, Каменеву. Известно его отношение к образованию Израиля, история приезда Голды Меир. То есть это всё нагнеталось, так или иначе в какой-то форме это всё равно бы произошло. Просто, может быть, письмо Рюмина дало некую такую организационную форму всему этому, но события, по-моему, были неизбежны.

С.А. Экштут

А я с этим не спору, я не отрицаю это. Я говорю, что случай, как и инкогнито Провидения, очень часто играет роль спускового крючка. Только это я и утверждаю. И когда мы описываем — мы, я имею в виду историков, которые пишут некий текст, — с моей точки зрения, надо обращать внимание на эти случаи, педалировать роль случайностей в истории. Я в данном случае не говорю об онтологии, я говорю о манере писать исторические тексты, вот только это.

Л.М. Зелёный

Спасибо. И, конечно, та схема, сводящая все информационные потоки в одну точку, которую пытался выстроить Сталин, — она в принципе не могла работать, она должна была сорваться. То, что она сорвалась именно из-за письма Рюмина, — действительно случайность. А то, что она не могла не сорваться, — да, закономерность. Но почему не отметить то и другое?

Л.М. Зелёный

А.П. Привалов

Насколько я понимаю, профессор Миркин хотел задать вопрос. Прошу вас.

Я.М. Миркин, *заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, доктор экономических наук*

Добрый вечер! Но мне кажется, на мой вопрос уже ответили. Я хотел привести пример. Рождение каждого из нас является случайностью. Мы знаем, что наши родители

случайно встретились, наши деды, прадеды, и так далее, и тому подобное, — всё это была случайность. Но мы тем не менее каждый год можем прогнозировать количество рождений, количество тех, кто уйдёт и так далее.

Точка зрения: если не одно, то другое, не другое, так третье, не третье, так четвёртое, — но закономерность всё равно пройдёт себе дорогу. С точки зрения историка, конечно, роль случая в реальных событиях — это интересно. Но в целом мы же видим закономерность, мы видим вот это поле вероятностей. Мы видим сценарии, где у каждого сценария своя вероятность, и, скорее всего, будет побеждать тот сценарий, который имеет наибольшую вероятность. И чем длиннее промежуток времени, тем это будет всё более очевидно. Вы согласны с такой точкой зрения?

С.А. Экштут

С одним небольшим дополнением. Я согласен с этой точкой зрения, когда речь идёт о пути от одной точки взрыва к другой точке взрыва. Воспользуюсь художественным образом, который не я сформулировал, а сформулировал Лотман Юрий Михайлович. Он говорил, что богиня Клио — это не пассажирка в вагоне поезда, который движется по рельсам от одной станции к другой, где путь предугадан, предписан, известен, а богиня Клио — это, скорее, странница, которая идёт от одной развилки к другой и каждый раз выбирает тот или иной путь.

Я не противопоставляю случайность закономерности, боже упаси. Я не пытаюсь изгнать закономерность из исторического описания тоже. Более того, я считаю, что как раз случай и помогает выявить наличие тех или иных закономерностей. Понятно, что то, что происходило в последние годы в жизни Сталина, в известной степени было предзадано, но оно могло случиться, могло не случиться. Если бы не смерть Сталина 5 марта 1953 года, произошло бы очень много печальных, трагических исторических событий, и я подозреваю, что мы с вами, Яков Моисеевич, точно бы не родились. Я бы не родился определённо, потому что если считать от момента моего зачатия, а не от момента рождения, то это произошло именно тогда, когда стало известно, что Берия расстрелян. Это медицинский факт.

Именно так, потому что люди испытывали радость, и, если вы посмотрите, в определённых слоях, в определённых кругах наблюдалась вспышка рождаемости. А в моей конкретной ситуации ещё наблюдалось то, что я в эмбриональном состоянии проехал от Курильских островов, по-моему, от Парамушира, до города Львова, что и сформировало моё имперское сознание. Так получилось, понимаете.

Так что я не отрицаю закономерность и не пытаюсь поставить на её место фундаментальную роль случая, это уж точно.

Я.М. Миркин

Простите, мне показалось, что вы именно точку взрыва рассматриваете как связанную со случайностями. Но взрыв, точку взрыва — вы сейчас сказали о точке взрыва — связали со случайностью перелома. Но сам взрыв случайностью не является. Октябрьский переворот, изменение системы правления в России, 1917 год, — понятно, что накапливались вероятности, накапливался громадный потенциал изменений, которые могли взорваться в один день, второй день, в одной цепочке случайностей, во второй, в третьей. Но этот взрыв не был случайным. Он мог произойти чуть раньше, чуть позже и так далее.

С.А. Экштут

Вот в том-то и дело, если бы он не произошёл тогда, то чуть позже он бы уже не произошёл, была бы иная ситуация. А если мы возьмём ситуацию, предшествующую февралю 1917 года, то там была действительно роковая цепь, именно цепь случайностей. Никакой закономерности в том, что произойдёт революция в феврале, не было абсолютно. Противоречия накапливались, но их можно было избыть. К этому моменту уже были накоплены колоссальные запасы вооружения. Потом Красная армия воевала всю Гражданскую войну тем оружием, которое было изготовлено на заводах ещё императорской России. Были сформированы новые резервные части. Мы готовы были переломить ход войны, в то время как экономика Германии уже была подорвана. Но это другая история.

Но была одна трагическая случайность — это смерть, вернее, убийство Распутина. Было поведение Николая, была великокняжеская оппозиция, и Николай к моменту Февральской революции оказался в одиночестве. Тот же сценарий.

Я подчеркну свою мысль ещё раз. Я лишь за то, чтобы мы не изгоняли случай из истории, чтобы мы каждый раз фиксировали его проявления и не подменяли случайность закономерностью там, где закономерности нет.

Я.М. Миркин

Но, с другой стороны, главное — не преувеличивать. Если накапливается вероятность перелома, накапливается вероятность взрывной точки, то с высокой вероятностью это произойдёт. Вот история будущая как игра вероятностей, как игра сценариев.

С.А. Экштут

С высокой вероятностью произойдёт. Но может и не произойти, если принять соответствующие меры.

А.Н. Привалов

И даже не принимать мер. Всё-таки позвольте мне, как бывшему математику, сказать, что вероятность стократного выпадения решки очень невелика, но после 99 решек решка может выпасть, а может не выпасть — всё равно одна вторая. Так что накопление вероятности не предопределяет исхода. Извините, это банальность, но просто она сейчас как-то... Ещё вопросы, пожалуйста.

Ю.А. Петров, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук

Можно ещё вопрос из той же эпохи?

А.Н. Привалов

Пожалуйста, Юрий Александрович.

Ю.А. Петров

Вот памятник зайцу Андрей Битов поставил, который перебежал Пушкину дорогу, и тот не поехал в Петербург, не участвовал в восстании декабристов и так далее. Вот

это какое инкогнито Провидения, этот заяц? Можно ли его вообще включить в какую-нибудь закономерность?

С.А. Экштут

Я считаю, что это идеально вписывалось в пушкинскую картину мира, потому что Пушкин верил в приметы. У Пушкина была воистину гениальная интуиция. Он, с одной стороны, чувствовал, что в Петербурге сейчас что-то происходит и его туда тянуло, и в то же самое время он понимал грядущую опасность. И достаточно было вот такой ерунде, как... Там ведь не только заяц, там ещё они священника встретили, ещё там что-то. Там несколько было вот таких вещей. Да, и он вернулся, совершенно справедливо. Это вписывалось в пушкинскую картину мира и, стало быть, в закономерность, если угодно. Да, в этом смысле, да.

А.Н. Привалов

Если позволите, я немедленно захотел ответить, поскольку я собирался об этом сказать, об этом зайце во вступительном слове. На мой взгляд, это типичная ложная случайность. Не было там никакой случайности. Просто, на самом деле, уже вполне взрослый Пушкин поборол мальчишеское желание выпрыгнуть в Петербург и нашёл себе оправдание. Там было всё совсем по-человечески просто. Но история с зайцем очень красивая, её тоже не надо упускать.

М.И. Москвин-Тарханов

Можно ещё вопрос маленький? Заяц меня натолкнул на этот вопрос. Ведь был другой заяц, о котором пишет Коленкур [Арман де Кленкур. «Поход Наполеона в Россию»]. Когда Наполеон подъехал к Неману, из-под его лошади выскочил заяц, и Наполеон свалился с лошади. Коленкур, будучи кавалеристом, в адрес бывшего артиллерийского офицера сказал, что он вообще плохо на лошади ездил. Наполеон поднялся, и все стали мрачно говорить, что это старая французская примета, что необходимо остановить переход. Наполеон отряхнул мундир и сказал, что да, у него было плохое настроение, всё равно переходим Неман.

Но Пушкин знал про это, вот же в чём дело. Вот здесь получается более хитрая цепочка. Зная про ошибку Наполеона, Пушкин встретил зайца и не повторил его ошибки.

Я тоже встречал зайца в лесу. Мне было абсолютно всё равно, и ничего не случилось.

А.Н. Привалов

Блестяще! С зайцем получилась великолепная многоходовка, совершенно случайно. Кто-то еще хотел задать вопрос? Прошу вас. Если вопросов больше нет, давайте, приступаем к высказываниям. Есть вопрос? Давайте.

А.А. Чернихов, *руководитель Архитектурно-дизайнерской мастерской Андрея Чернихова, профессор Международной академии архитектуры (IAA)*

У меня один вопрос. Семён Аркадьевич, я немножко порылся в интернете, хотел найти книгу, монографию, посвящённую случаю. Вам не удавалось этого?

С.А. Экштут

Отличный вопрос! Отличный вопрос. В отечественной исторической и философской литературе нет такой монографии.

Ю.А. Петров

Случайно.

С.А. Экштут

Вероятно, совершенно случайно. Потому что, понимаете, в чём штука, нас, когда учили, случайность не только не рассматривалась, она сознательно изгонялась из рассмотрения. Я не знаю, может быть, вас, Юрий Александрович, учили иначе.

Ю.А. Петров

Да ладно! Мы с вами «учились понемногу» в одно время.

С.А. Экштут

Да, в одно время. Этот же вопрос я Александру Николаевичу задавал перед началом заседания: учили ли вас тому, что существует случайность? Александр Николаевич ушёл от ответа.

А.Н. Привалов

Ушёл.

С.А. Экштут

Ушёл, ушёл, да. Так вот, нет такой монографии.

Т.В. Черниговская, *директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических наук, доктор биологических наук, член-корреспондент РАО*

Есть, есть такая монография: Жак Моно, «Chance and necessity»³. Она у меня на полке стоит. Всем могу показать.

С.А. Экштут

Хорошо. Я уточню свою позицию. Есть «Культура и взрыв» — это последняя книга Лотмана, есть книга «Порядок из хаоса» Изабеллы Стенгерс и Ильи Пригожина, то есть можно набрать книги. Но фундаментальная роль случая в научной картине мира пока не укоренена. Те или иные книги назвать можно. И они даже стоят на полках. Книга Лотмана «Культура и взрыв», если мне не изменяет память, это 1993 год. После 1993 года каких-то серьёзных книг, которые были бы признаны, произвели бы какой-то там фурор, были бы переведены и так далее, и так далее, — я лично не знаю.

Ю.А. Петров

О чём это говорит?

С.А. Экштут

Наверное, это говорит о моем невежестве.

---

³ «Случай и необходимость: очерк натуральной философии современной биологии» — книга лауреата Нобелевской премии Жака Моно 1970 года, в которой процессы эволюции интерпретируются, чтобы показать, что жизнь — это только результат естественных процессов по «чистой случайности».

Ю.А. Петров

Да ладно.

С.А. Экштут

Я хочу сказать вот, что. Мы с двумя моими приятелям, Дмитрием Михайловичем Володихиным и Сергеем Викторовичем Алексеевым, задумались над тем, почему нет монографии. Мы не стали писать книгу о случайности, но мы разбили всю историю России на некие точки бифуркации, когда развитие могло пойти влево или вправо. Один — специалист по домонгольской истории, другой — специалист по допетровской, всю историю после Петра взял я.

Мы сидели не случайно, абсолютно закономерно, у меня в кабинете за чашкой зелёного чая, составили план и выпустили такую большую, красивую иллюстрированную книгу о великих моментах в истории России, педалируя именно альтернативность исторического процесса. Но фундаментальную роль случая мы там не подчёркивали. Мы просто выделяли эти знаковые развилки в отечественной истории. Но, насколько я знаю, ничего подобного больше не делалось. Причём мы это сделали очень хорошо, большим тиражом, с массой иллюстраций в энциклопедическом издательстве «Аванта плюс». Это было предназначено для школьников и так далее, то есть всё это было сделано на таком высоком уровне. Но продолжения или развития этого не последовало. Вот, всё.

А.Н. Привалов

Переходим к выступлениям. У меня тут есть две строчки в записях. Профессор Устюжанина, прошу вас.

Е.В. Устюжанина, *руководитель отделения макроэкономики и моделирования региональных систем ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук*

Спасибо. Коллеги, я не историк. Я, конечно, не могу блеснуть такой эрудицией, как Семён Аркадьевич. Но тем не менее хочу некоторые мысли высказать.

Первое — в своём консультационном опыте я занималась, в частности, авиацией. И вот в авиации накоплен очень большой опыт анализа катастроф, где уже статистически доказано, что ни одна катастрофа не является следствием одной причины. Всегда должны сойтись несколько причин — мотор отказал, что-то с пилотом случилось, диспетчер ошибся. Ни одной катастрофы в истории не было, у которой была бы одна причина.

Дальше мне кажется, что вообще есть некоторая такая логическая путаница между понятиями «причинноследственная связь» и «закономерность». Нам почему-то кажется, что закономерность — это что-то очень серьёзное, а причинноследственная связь — более поверхностное. Об этом уже говорилось в вопросах.

Знаете, опять-таки у меня был опыт, когда я несколько раз защищала компании от рейдерских захватов и энное количество удач было. А всегда, когда были неудачи, почти всегда, скажем так, применялась одна и та же схема — выбивали доверенных лиц. Иначе говоря, это если вы хотите убить компанию, прежде всего вы должны отстрелять всех тех, кто может помочь первому человеку в компании. Иногда этот отстрел начинали с меня.

Е.В. Устюжанина (справа)

У меня был такой случай. Человек, которого я считала своим другом, мне говорил о том, что он скорее отрежет себе руку, чем уволит своего финансового директора. У него действительно была гениальная дама – финансовый директор. Она была вторая после меня, кого он уволил. А третьим он уволил своего лучшего друга, в честь которого сына назвал. То есть вот до такой степени.

Поэтому вот эта, скажем, комбинация с тем, как отдалить Абакумова, в общем, настолько используемая, что говорить о том, что именно этот конкретный парень потерял документы и из-за этого её [комбинацию] использовал... А может быть, этого парня использовали, чтобы отдалить Абакумова?

Здесь мне кажется, что действительно основная проблема — об этом уже Александр Николаевич говорил в комментариях — это когда делается ставка на одного. Тут вообще выбить очень легко. Действительно, давайте убьём любовницу, ещё что-нибудь сделаем, самого его взорвём. Но является ли случаем то, что ставка сделана на одного, что вы доверяете только одному человеку?

Я сейчас не вопрос задаю. Я же экономист, поэтому, естественно, пытаюсь выявить причинноследственные связи. Конечно, вот что действительно можно рассматривать как случайное — это Жанна Д'Арк, как бы мы эту Жанну не называли, — Эртугрулом, Наполеоном или ещё кем-то. Это действительно уникальное явление. Но можно ли опять говорить только о случае, потому что все эти люди могут себя проявить только в определённых исторических условиях.

Сказать, что я получила удовольствие от вашего доклада — это, конечно, ничего не сказать, он очень интересен. Обсуждение зайца вообще гениально, я бы сказала. Но всё-таки мне кажется, что большая часть ваших примеров не о случае, извините.

С.А. Экштут

Вы абсолютно правы, потому что я привёл один случай. А если взять ситуацию со сталинским окружением до 1941 года и после где-нибудь 1945-го, то наблюдается

одна очень интересная закономерность, тут уже никакой случайности нет. Что ближайшее сталинское окружение, начиная с Кагановича, который отошёл уже там на какие-то четвертые, пятые позиции с Ворошиловым, который оставался декоративной фигурой, но формально входил в ближний круг, и кончая людьми, которые обладали реальными рычагами власти, как Маленков, Булганин, Берия, Хрущёв, — эти люди сделали всё, чтобы удалить от Хозяина тех, кого он приблизил к себе перед самой войной и во время войны.

Вот тут наблюдается чёткая закономерность, никакой случайности. Абакумов был вишенкой на торте, был либо последним, либо предпоследним, потому что Кузнецова и всех ленинградцев расстреляли. А Вознесенского Сталин рассматривал как своего преемника по государственным постам, а Кузнецова, секретаря ЦК, рассматривал как своего преемника на партийных постах.

Был ещё такой человек — Попов, московский градоначальник. Не Гавриил, а его предшественник, по-моему Георгий Михайлович, который тоже претендовал на роль будущего генерального секретаря. Всех этих людей убрали из сталинского окружения. Убрали таких людей, как авиаконструктор Яковлев, с которым Сталин консультировался. Убрали такого человека, как Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов, который сделал стремительную карьеру от подполковника до Главного маршала авиации в годы войны.

То есть всех тех людей, кого Сталин к себе приблизил и с помощью которых мог знать, что творится, — этих людей ближайшее сталинское окружение последовательно убирало, выводило их из игры. И те люди, которые окружали вождя, скажем, по состоянию на 1939 год, и те люди, которые окружали его по состоянию на март 1953 года, — это одна и та же команда. Все те, кто сумели к Сталину просочиться в промежутке, они либо были расстреляны, либо были удалены.

Про Голованова скажу, что поскольку он был чекист и человек фантастической интуиции, он просто в какой-то момент уехал из Дома на набережной на дачу и в течение года там отсиживался, и отсиделся благополучно. Денег не было, так он купил лошадь и за плугом пахал землю. Представляете — Главный маршал авиации! А чтобы купить школьную форму детям — у него большая семья была, — так он собирал в лесу ягоды, сдавал их в местный кооператив и на эти деньги покупал форму детям. Так жили дети Главного маршала авиации. И таким образом он выиграл свою жизнь. Никакой случайности, чистая закономерность. Так что полностью с вами согласен.

Я сознательно, чтобы сфокусировать ваше внимание, прибегнул к некоему художественному приёму и выделил это. Судя по вашей реакции, считаю, что сделал правильно. Если я буду об этом писать серьёзные научные монографии, я построю текст одним образом, а если я буду писать в более популярной книге, я построю текст другим образом. Так что тут уж никаких чудес, сплошное разоблачение приёмов.

Е.В. Устюжанина

Игнатъев тоже спаржу выращивал, храня запас царского золота, как мы знаем.

С.А. Экштут

Только не спаржу, а шампиньоны.

А.Н. Привалов

Спасибо. Даже не возражение, а комментарий. Конечно, как правило, совпадает много причин для любого, особенно неприятного, события. Но существует старинный анекдот, который тоже правда: «Почему вы сдали крепость? — Восемнадцать причин. Во-первых, не было снарядов. — Спасибо».

Следующий — профессор Тамбовцев, прошу вас.

В.Л. Тамбовцев, *главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор*

Спасибо. Я хочу начать с того, что мы перед нашим замечательным собранием с нашим сегодняшним докладчиком встретились за чашкой кофе. Я там сказал, что очень рад видеть, надеюсь, что будет очень интересно. Так вот, я хочу начать с того, что моё ожидание абсолютно чётко сбылось, спасибо!

В.Л. Тамбовцев

А продолжить я хочу некоторым, может быть, расширением того подхода к истории, который мы сегодня услышали. Расширение такое сугубо, я бы сказал, скучное. Здесь не будет истории, хотя я две маленькие истории постараюсь рассказать.

Первое расширение заключается в чём? Дело в том, что наш взгляд на то, что случайно, а что не случайно очень сильно зависит от того, как мы смотрим. Вот Александр Николаевич уже упоминал про квантовую механику, поэтому я не побоюсь ещё раз про неё вспомнить. Все, естественно, знают такую штуку, как полураспад, время полураспада радиоактивных элементов. Это очень чёткая закономерность, для каждого — своя. Но есть время полураспада, оно измерено. Но никто никогда не в состоянии сказать, какой именно из атомов распадётся в данный момент или в данный период времени. Это случайность чистой воды. Если я правильно помню, я читал это где-то в популярной литературе, такой известный физик, который написал семитомный учебник по физике, сказал, что этого не знает даже Господь Бог. Потому

что на одном уровне нашего анализа абсолютная случайность, неопределённость чистой воды — какой, когда и так далее. Но меняем точку зрения, рассматриваем совокупность элементов — сталкиваемся с закономерностью.

Другой пример из моей уже почти родной области. Никто никогда не может сказать, в какой момент времени какой человек купит данный экземпляр товара. Это случайность чистой воды. Но люди, которые изучают практически рынки, вам чётко скажут, как будет меняться спрос на данный товар в этот момент времени, в будущем и так далее. Меняем точку зрения — и вместо случайности и неопределённости получаем чистую закономерность, если угодно. Я уж не говорю о таких штуковинах, как эволюция. У неё нет цели. Куда что-то сэволюционирует, никто никогда сказать не может по определению. То же самое про конкуренцию говорят в экономике и так далее.

Но при всем том внутри этих процессов, макропроцессов, происходят микропроцессы, где масса логических быстрых связей. Я уже не говорю про исторические события. Ну, конечно, мы никогда не можем знать, что, отчего, почему. Но коль скоро в истории действуют в основном разумные люди, — наверное, неразумные там тоже действуют, но в основном разумные, — это означает, что за их действиями стоит какой-то замысел, какая-то причина, какое-то решение. Но раз решение — мы мгновенно приходим к такой штуковине, как теория заговора. Она объясняет вообще всё. Назовите хоть один пример из истории, который нельзя объяснить теорией заговора. Этого нет и быть не может, это универсальное объяснение.

А заговор — это что, случайность? Какая же это случайность: я задумал — я сделал! Совсем не случайность. Я много чего учёл, я вот этого привлёк, того привлёк, этого напоил, этого накормил, этому заплатил — и что-то случилось. Никаких случайностей. Это мой замысел. Не какого-то мистического провидения или чего-то ещё, а мой личный замысел. А если что-то не удалось, понятно, негодяи исполнители подвели, а замысел-то был во! Так это что, случайность или априори закономерность? Это не может не быть закономерностью, поскольку это мой замысел. Я установил закономерность: если я делаю А — получается В, получается В — следует С.

Поэтому вот такой взгляд на происходящие процессы то с микроуровня, то с макроуровня сильно меняет картину и затрудняет всё наше размышление по поводу закономерностей и случайностей.

Вот, собственно, на это я и хотел обратить внимание нашего замечательного докладчика. Я надеюсь, это ему поможет более убедительно выстроить будущую картину мира, в которой случайность не противостоит закономерности, а является всего лишь разными взглядами на одни и те же процессы.

А.Н. Привалов

Спасибо. Но поди попротивостои закономерности, я на тебя посмотрю. Мне тут задали вопрос, который надо обращать не ко мне, а к залу. Мария Александровна, прошу вас.

М.А. Привалова, директор ЦУНБ имени Н.А. Некрасова

Добрый вечер. Мне просто стало любопытно после вопросов, которые задавались Семёну Аркадьевичу. Мне показалось, что наш зал как-то в случайности верить не

хочет. И интересно, есть ли у участников ответ, почему вам не хочется верить в случайности и хочется считать, что всё — закономерности? Я понимаю, в частности, о чём сейчас шла речь, — что верить в случайность приятно, она тебя в нужные моменты делает не виноватым. Мне любопытно, какие ещё есть версии? Отдельно я попросила Сергея Николаевича сказать. Мне интересно, что про это думают психологи?

М.А. Привалова

С.Н. Ениколопов, *заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, кандидат психологических наук*

С.Н. Ениколопов

Во-первых, ничего не думают. Кому что хочется, тот и говорит. Некоторые просто спорят друг с другом совершенно случайно, потому что попали в эту точку, где спор идёт.

По поводу теории заговора. На вашу теорию заговора всегда найдутся люди, которые будут дальше идти — что этот заговор есть следствие предыдущего заговора, и так мы уходим в дурную бесконечность. Поэтому вот на таком бессознательном уровне все начинают сопротивляться идее.

М.А. Привалова

Если есть ещё ответы, почему не хочется верить случаю, расскажите, пожалуйста.

Т.В. Черниговская

Большой взрыв был случайностью или нет?

А.Н. Привалов

Кто же его знает? Там не было свидетелей.

Ю.А. Петров

Надо спросить у Бога, если это возможно.

А.Н. Привалов

У Господа много чего хочется спросить.

Ю.А. Петров

Если он сознается.

А.Н. Привалов

Если он захочет ответить. Кто хотел бы еще высказаться? Прошу вас. Михаил Иванович.

М.И. Москвин-Тарханов

По теории заговора сразу такое маленькое замечание. Вольтера я очень люблю и часто приводил его в своей практике в работе. Не надо объяснять заговором то, что можно объяснить простой глупостью. Вот простая глупость — это тоже элемент случайности. Это то, что, как бы сказать, меняет нашу реальность и происходят какие-то совершенно непонятные действия. Как говорила матушка Екатерина, у нас в России дураков не жнут, не сеют, земля их сама родит. Вот глупость тоже источник случайности. Это первое измерение, значит, поправка какая-то может быть.

Теперь, как бы сказать, скепсис. Есть старый церковный анекдот. Полез звонарь на колокольню, упал пьяный вниз — и жив, здоров. Спрашивают семинариста-скептика: скажи, не чудо ли это? Нет, говорит, не чудо, случайность. Ну, говорят, хорошо, случайность. Но вот третьего дня он снова полез пьяный на колокольню и снова с неё упал. А это что? Ну, это совпадение. Хорошо. Сегодня он снова полез на колокольню и снова упал, и снова ничего. А это что такое? Привычка. По такому поводу вот такой и скепсис.

А с другой стороны, когда в личном измерении возникает что-то, что наталкивает тебя на глубокую внутреннюю мысль, — ты уже задумываешься: правильная ли твоя жизнь, не правильная, почему, зачем, что произошло? Провидение имеет свое дыхание. Вот его чувствуешь, это дыхание.

Когда-то к нам «в лабораторию» — как я тогда всегда говорил, потому что я из лаборатории пришёл [в Мосгордуму] — пришёл к нам в кабинеты такой журналист, Дима Холодов⁴. И говорит: ребята, мне тут из Западной группы войск прислали интересный материал, я поеду на станцию, привезу, и мы его откроем. Мы сидим, ждём. Через какое-то время он говорит, что решил в редакцию сначала съездить.

Там этот материал и взорвался, а должен был оторвать голову мне вместе с Димой. Вот тут я и призадумался... Меня сохранили. Для чего меня сохранили, почему меня сохранили? Надо что-то менять в жизни. Надо по-другому себя вести и по-другому мыслить. Так что случайность есть, глупость есть, закономерность есть, а Провидение имеет свое дыхание. Вот такое моё мнение.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Лев Матвеевич, прошу вас.

Л.М. Зелёный

Я хотел немного с общей точки зрения сказать, я не математик, но близок к этому, занимаюсь математической физикой.

Прежде всего я всех призываю, и вас, Александр Николаевич, не надо говорить о квантовой механике. Мы живём в классическом мире. Вы садитесь в машину, включаете навигатор, и вы точно узнаете там, с точностью до метра, свою координату и свою скорость. Квантовая механика для маленьких частиц этого сделать не позволяет. Мы живём в макромире, и без того сложном.

Я согласен с тем, что по большому счету никаких случайностей нет. Вот в этом классическом мире всё в принципе предсказуемо. Если бы существовала суперсупер-супер-эвм, которая могла бы учесть все начальные координаты — кто вышел, какие ботинки надел и пр., — она бы рассчитала всё, и наши траектории бы пересеклись, где мы собрались. Никаких случайностей бы не произошло. В классическом мире всё предсказуемо, но слишком много начальных координат, и задача становится нерешаемой в принципе даже на супер-суперкомпьютере. И, к сожалению, даже в классической системе это необратимо. Мы не можем время повернуть назад, потому что все эти траектории запутаются.

Миром всё-таки правит закономерность. Давайте проиграем такие экстремальные случаи (кто-то упоминал сегодня о бифуркации), к примеру, убийства лидеров государств — Джона Кеннеди, Линкольна, эрцгерцога Фердинанда. По большому счёту это были случайные события. Каждого убийцу, наверное, история отобрала как-то случайно. Но по большому счету исторический процесс ведь не изменился от этого, через десять лет Америка была бы такой же при Кеннеди, как без Кеннеди. То же самое с Линкольном, и Первая мировая война бы началась.

Но так не всегда. Вот если бы известная Фанни Каплан не промахнулась или выстрелила как следует — история действительно бы пошла по другому пути. Поэтому у каждой системы есть точка бифуркации, когда её можно отклонить. Все

---

⁴ Журналист, военный корреспондент «Московского комсомольца», погиб от взрыва мины-ловушки, установленной в переданном на его имя дипломате, в котором якобы находилась важная для него информация (1994 г.).

остальные такие случайные возмущения затухают довольно быстро. Вот эта известная страшилка Брэдбери в его рассказе «И грянул гром», где раздавили бабочку и через миллион лет, например, произошёл сбой в истории. Ничего такого не произойдёт, такие маленькие возмущения всегда затухают.

Бывают исключения. Если бы кирпич упал на голову Адольфа Шикельгрубера [фамилия Гитлера по отцу], когда он служил в австрийской армии, наверное, история могла бы пойти по другому пути. Но, как правило, история не любит случайностей. Она развивается закономерно и все такие случайные вещи со временем убирает, за исключением редких бифуркационных событий.

А.Н. Привалов

Пожалуйста, Виктор Евгеньевич, спрашивайте.

В.Е. Дементьев, *руководитель направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН, профессор*

Вот мне интересно, мог бы суперкомпьютер рассчитать, что победит Аргентина, а не Франция? [В чемпионате мира по футболу в Катаре в ноябре-декабре 2022 г.] Между прочим, это — случай, там действительно были два момента, когда всё могло повернуться по-другому, в конце могла забить Франция. Мы вполне могли бы наблюдать, как этот случай мог бы сделать самой счастливой страной в мире Францию, а не Аргентину, по крайней мере на несколько дней. И, может быть, через какое-то время, если бы именно Франция победила, можно было бы объяснить успехи Макрона как раз результатом того случая, когда победила Франция, а не Аргентина.

По вашему мнению, суперкомпьютер мог бы рассчитать, что победит Аргентина, а не Франция?

В.Е. Дементьев

Л.М. Зелёный

Супер-суперкомпьютер мог бы, но такого компьютера нет и не будет, поэтому нам приходится в таких случаях опираться на интуицию, какие-то приближённые описания, которые всегда неполные, которые между предсказаниями всегда щель большую оставляют. То есть в этом и парадокс: классическая механика вроде детерминирована, а в ней существует хаос, который не предсказуем. Вот это — большое противоречие в обычной, не квантовой, классической механике.

А.Н. Привалов

Но на самом деле всё это очень мило и симпатично. Просто, когда мы говорим о том, что есть некий суперкомпьютер, мог бы быть некий суперкомпьютер, который мог бы что-нибудь рассчитать, — мы ставим крест на себе как на людях. Либо у нас есть свобода воли, либо у нас нет свободы воли. Если за нас кто-то может рассчитать — у нас нет свободы воли, мы перестаём быть интересны, например, мне. Татьяна Владимировна, прошу вас,

Т.В. Черниговская

У меня вопрос к физики. Я хочу вступить за честь моего любимого шрёдингерского кота и в этой связи задать такой вопрос: с какого момента начинается классический мир, не квантовый? Это не праздный вопрос, потому что он абсолютно не решён. Мы вчера с Анохиным [Константин Владимирович, нейробиолог, академик РАН] несколько часов публично на эту тему общались. Вспоминаю я в этой связи нынешнего нобелевского лауреата Роджера Пенроуза, который, конечно, Нобеля не за то получил, но тем не менее. Он пытается разобраться с тем, что такое сознание. И что он нам говорит и пишет? Он у меня, кстати, на семинаре выступал, много часов это длилось, я живой свидетель. Говорит он следующее: сознание — это квантовые скачки. Это говорит не домохозяйка, которая жарит рыбу, это говорит крупный астрофизик и математик, и говорит это всерьёз.

Когда Нильс Бор беседует с Эйнштейном, — к сожалению, не могу процитировать точно, но не отступаю от смысла, — они говорят, что мир парадоксальным образом соткан из того, что вообще не может быть названо материей.

Вот что мы собираемся с этим делать, в какой момент начинают вступать в силу классические законы? В квантовом мире, — который внутри нас, между прочим, он тут, в пальце, — там нет каузальности [причинность], там нет времени и там полный бардак с тем, кто где находится, поскольку всё находится одновременно не во всех местах, но в двух-то уж точно. А дальше мы говорим, да, но это у маленьких там [в микромире]. А у больших [в макромире], с какого момента начинают большие?

Л.М. Зелёный

Я не дам вам точного размера. Понимаете, тут трудно с этим спорить. Да, мы состоим из атомов, атомы — это квантовые объекты, поэтому можно сказать, что всё в мире описывается квантовой механикой, включая сознание, никто с этим спорить не будет. Когда я делал своё утверждение, я имел в виду такую повседневную жизнь, в которой мы встречаемся. Вот случаи, которые были с Наполеоном, с декабристами, — они не определяются квантово-механическими закономерностями, они определяются обычной классической механикой, где-то на более глубоком уровне.

Но есть соотношение неопределённостей, которое зависит от массы. Пока масса маленькая, частица действительно расплывается. Когда масса становится соизмеримой с тысячей масс протона — начинает работать классическая механика, потому что никакой неопределённости нет. И здесь нет никакого парадокса, просто одна физика переходит в другую. Здесь даже, может быть, предмета для спора большого нет. Квантовая механика всё описывает, но не всегда нужно явления описывать квантовой механикой.

Т.В. Черниговская

Я согласна. Вот пусть Каплан [психофизиолог, см. выступление ниже] отвечает за всё это дело. Но когда мы говорим про мозг, то это вопрос серьёзный. Действует ли там время, насколько там есть казуальность — это серьёзный вопрос. И я недаром Пенроуза сейчас вспомнила. Еще раз повторяю, это не домохозяйка говорит, это говорит Пенроуз. И если он считает, что это происходит на этом уровне, то вопрос каузальности и со временем мы не можем отбросить. Поэтому это не бытовой вопрос.

Т.В. Черниговская

А.Н. Привалов

Я прошу прощения. Я как модератор должен был вмешаться раньше, а может быть, как человек, делавший вступительное слово, должен был не произносить слов «квантовая механика». Тут разговор немножко пошёл в сторону, в которой мы заведомо ни к чему не придём по довольно простой причине. Произносятся слова из разных галактик. И те, и другие вполне осмыслены.

Есть в математике — извините уж, я несколько раз говорил это бранное слово — в математике есть такое слово «инцидентность». Вот эти доводы, которые произносятся стороны, не инцидентны друг другу. Они не совпадают и не противоречат, про них ничего нельзя сказать вместе, и это неправильно. Это не приведёт нашу дискуссию к плодотворным результатам.

Поэтому я призываю выступающих вернуться несколько ближе — не к вопросам квантового устройства микромира (это моя вина) или, наоборот, свободы воли, а вернуться на ту почву, к которой нас призывал наш сегодняшний основной выступающий, примерно понимаемую всеми одинаково, — к почве реальной жизни. В которой, несомненно, есть закономерности; несомненно, есть случайности и, несомненно, ни одна собака не понимает, как они сочетаются друг с другом. Потому что вот то, что мы привыкли говорить, не задумываясь, как дважды два — четыре, значит, тоже случайность как проявление закономерности. Это всё очень мило и всё это правда. Это не объясняет того, о чём пытался нас спросить докладчик, почему именно это проявление закономерности произошло.

И тут, на самом деле, ответа-то и нет. Это можно обсуждать с большим или меньшим удовольствием. Все мы помним с детства английский стишок, но мы его помним по-русски: «Не было гвоздя — подкова пропала. Не было подковы — лошадь захромала. Лошадь захромала — командир убит. Конница разбита — армия бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя». Но враг вступает в город, пленных не щадя, не от того, что в кузнице не было гвоздя, но и от того тоже. И то, и другое — правда. И то, что из-за гвоздя, и то, что из-за массы вполне закономерных причин, — всё это правда. Докладчик нас спрашивал о сочетании — ну вот об этом возможны разные мнения.

Я призываю выступающих к разговору именно о случае и законе, не обязательно на историческом материале, можно на личном. На личном-то мы все понимаем, что случайности бывают.

Прошу вас.

В.Л. Тамбовцев

Спасибо. Ответ звучит так. В принципе, наверное, это возможно, если мы задолго до того, как какой-то человек совершит некое значимое действие, будем знать, что он это совершит. Почему? Для того чтобы обосновать, что именно этот человек виновник или причина или чего-то ещё, мы можем наблюдать. Но мы не можем дать ответ на вопрос, а почему он это сделал. А вот для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, который для исследователя очень естественен, нам нужно наблюдать каждый шаг его жизни, взаимодействия и всего прочего, начиная с момента его рождения.

Иногда у кого-то получается говорить, а вот в таком-то году господин такой-то встретил господина такого-то и поэтому — а вот тут уже начинается неправда — он поступил так-то. Мы не знаем, почему он так поступил, повлияла ли его встреча с этим человеком в детстве или не в детстве на то, что он так поступил. Нам надо изучать его самого, наблюдать полную его жизнь. И вот тут мы сталкиваемся с тем, что мы это наблюдать уже не можем. Это уже прошло. Об этом сейчас уже поздно думать.

А дальше начинаются домыслы: ах, он встречался с таким-то, так вот он совершил то-то. Ну и что? Это же не вывод. В этом нет никакой логики, никакой науки. Нам кажется, что что-то тут есть, раз он встречался с таким-то, а вот этот известен тем-то, значит, он поступил именно так потому-то. Это наш домысел, недоказуемый и не опровергаемый.

Поэтому ответ на вопрос о роли случайностей в истории и всего прочего упирается в элементарную невозможность изучать процесс. Изучать его в тех деталях,

знание которых только и может предложить нам научно обоснованное объяснение, почему совершён именно такой поступок в данный момент времени. У нас нет информации, для того чтобы делать такой вывод, поэтому остаются домыслы. Это замечательно. Это очень интересно, это художественно, это прекрасно, но за этим нет науки.

А.Н. Привалов

Спасибо. Хочу подать пример. Давайте я расскажу о случае из своей жизни, в которой наверняка сказались очень богатые закономерности. Я познать их не могу и вам не предлагаю. Просто маленький случай.

Было мне 20 лет. Оканчивал я механико-математический факультет Московского государственного университета имени Михаила Васильевича Ломоносова. Мехмат я оканчивал по кафедре алгебры. Кафедра алгебры была традиционно сильная, так принято было тогда, в те годы. Сказалось это, в частности, в том, что из оканчивавших пятый курс по кафедре алгебры получили рекомендацию в аспирантуру, не помню цифры, по-моему, 12 человек. А мест кафедре алгебры было отведено то ли семь, то ли восемь.

И вот собирается ученый совет мехмата решать, в частности, этот вопрос. Все мнутя, потому что все понимают: вот на меня, скажем, или на кого-то другого из этих 12 всем наплевать, это не интересно. Но если меня или кого-то другого вычеркнуть, значит обидеть профессора, которого никто обижать не хочет по естественным соображениям. За что его, собственно, обижать? И тут поднимает голову тогда ещё живой, вполне себе дееспособный Павел Сергеевич Александров. Те, кто имел счастье его видеть живьём, не забудут его феноменальный голос — очень высокий, очень резкий, очень скрипучий. Ну, производил впечатление. Поднимает он свою лысую голову (меня там не было, мне просто рассказывали) и говорит: «А кто из них имеет задолженность в библиотеке?» Послали спросить. Выяснилось, что имеют задолженность в библиотеку ровно столько людей, сколько надо было отсеять, чтобы попасть в лимиты. Это был первый случай.

Сразу за ним последовал второй. Это же в 1971 году, тогда ещё все думали, что математики им нужны. Потом это прошло, а тогда все думали, что математики нужны позарез, поэтому на выпускников мехмата был дикий спрос. Начиная с осени пятого курса в университете толклись представители разных организаций, искали себе выпускников. А я, поскольку полагал, что меня возьмут в аспирантуру и потому ещё два года ничего делать не буду, я ни на какие эти самые встречи не ходил. Тут мне сообщают эту новость, я иду чуть ли не на последнюю встречу этих самых представителей, которая состоялась на первом этаже высотки около актового зала.

Спускаюсь я, значит, с верхних этажей в этот вестибюль. Он забит представителями различных предприятий, которые все думают, что им нужна математика. Все ошибаются, но это неважно. И я вижу, что у ближайшей колонны стоят два толстых здоровых мужика и ржут в голос. Я подошёл к ним, и это предопределило мою карьеру.

Вот два случая буквально за один день. Есть в них закономерность? Да наверняка! Например, нечего мне было делать в аспирантуре мехмата, это очевидно. Я воображал себя поэтом, мне эта математика была совершенно незачем, и я совершенно незачем был ей, всё правильно. Должен я был попасть в эту сомнительную сферу математических методов якобы экономики? Наверное, должен был. Но какие

именно закономерности в этом сказались, как они разложились, какие события, начиная с моего зачатия или с зачатия Эмиля Борисовича Ершова⁵, который был один из тех хохотунов, привели к нашей встрече — ну, наверное, можно исследовать.

Т.В. Черниговская

Промысел, Промысел!

А.Н. Привалов

Вот Промысел — это проще.

Т.В. Черниговская

Да.

А.Н. Привалов

Кто хотел бы высказаться?

А.А. Черников

В общекультурном плане, мне кажется, мы не заострили внимания на одной теме. Это то, что в разных культурах и в разные времена случаю отдавалось то или иное предпочтение. Огромное предпочтение случаю отдавали греки. Известно также, во всяком случае мне из литературы, что римские полководцы разыгрывали жребий, кому командовать войсками. И не всегда благодаря выпавшему жребию войска вёл лучший полководец, и по воле жребия римляне могли проиграть серьёзное сражение. То есть в тот или иной период культура как бы имеет склонность к вере в случай, ставке на случай.

А.А. Черников

---

⁵ Эмиль Борисович Ершов (1933 – 2014) — советский и российский учёный в сфере экономики, лауреат Государственной премии СССР, директор Научно-исследовательского института ЦСУ СССР.

Наверное, при развитии, если так можно сказать, научно-технического прогресса веры в случай и опоры на случай становится всё меньше и меньше. Но если мы прочитаем известную историю, которую описывает Алексей Гринбаум в своём чудесном эссе «Машина-доносчица», каким образом беспилотный автомобиль выберет, в каком направлении ему ехать — направо, налево или прямо, — если у него в одном варианте семья из трёх детей и беременной мамы, в другом варианте из бабушки, дедушки и трёх внуков, — здесь человеческий фактор должен быть исключён. Ставка в данном моменте исключительно только на жребий. И, наверное, за жребием стоит всё-таки нечто иное, чем то, о чём говорилось как инкогнито Провидения.

Мне вообще казалось, что в предновогодний, предрождественский вечер самое интересное было бы слышать случаи из собственной жизни, пример чему подал Александр Николаевич.

В моей личной жизни — это вообще-то интимная вещь, но я позволю себе рассказать — это произошло 41–42 года тому назад, я праздновал свой день рождения. В однокомнатной квартире на Речном вокзале мы праздновали вот у той замечательной рыжеволосой кудрявой дамы [о своей присутствующей жене], с которой свела судьба благодаря целой цепочке случаев, но в этом можно было усмотреть и некую закономерность. Мы отплясывали с моим молочным братцем до часу ночи кантри, а утром я проснулся с раздувшейся левой ногой. Оказывается, так отплясывая, я случайно сломал ногу и даже не заметил.

Проходит месяц, я в гипсе. Нога, как сейчас помню, лежит на чешской табуретке. Мы сидим на кухне, солнечный день. День рождения в феврале, а эта сцена произошла в марте. И должен вам сказать, что к тому моменту у меня было достаточно сильное отторжение от второго брака и вообще никакой мысли, никакой предопределённости, никакого жребия тут вообще не было. Тем не менее я делаю предложение вот в такой странной позе с гипсовой ногой на табуретке, и это счастье длится уже 40 с лишним лет. Поэтому на своей собственной шкуре могу сказать, что это — Его Величество Случай, как мне кажется, без какой-либо закономерности. Хотя, может быть, инкогнито Провидения здесь и присутствовало.

А.Н. Привалов

Спасибо. Прошу — профессор Каплан.

А.Я. Каплан, *заведующий лабораторией нейрофизиологии и нейроинтерфейсов биофака МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор биологических наук, профессор*

Позвольте мне такую провокацию, особенно для физиков и математиков, тем более что к математике я тоже имею отношение. Я подхватываю мысль Татьяны Владимировны о том, что мы не знаем, был Большой взрыв или не был, свидетелей нет.

Т.В. Черниговская

Конечно, не знаем.

А.Я. Каплан

Да. Но в современной картине, чтобы всё устоялось, всё-таки физики считают, что начинается всё с Большого взрыва. Это просто такая метафора. Пусть это

будет метафора. Вот всё взорвалось. В первые микросекунды ведь это — пыль. Это даже не элементарные частицы, это какая-то пыль, материальная пыль, смешанная в энергетических потоках. Вот наш мир. Ничего нет. Теперь мы, сгустки этой пыли, сидим здесь, рассуждаем о большом мире, о том, что был Большой взрыв. А что, мы что-то сохраним большее, чем эта пыль, чем молекулы, атомы и прочее? Но получилась какая-то комбинация, что мы можем рассуждать на эти темы, об этой пыли.

А.Я. Каплан

История развития материи, конечно, сама по себе интересна, но дело не в этом. По большому счету мы случайно стали вот такими мыслящими сгустками, собрались здесь? Это что, случайно или закономерно? Это первая такая провокация, может быть, риторический вопрос.

Второе. Может быть, вообще нет ни закономерностей, ни случайностей. Понимаете, получается тут некоторая такая иллюзия, что есть закономерности и есть случайности. Смотрите, Пушкин не приехал к декабристам на встречу. Пока мы этот факт не сделали явным, то есть не обратили на него внимания, мы не могли говорить ни о каких закономерностях. Как только мы указываем на какое-то явление или свершившийся факт, тут же за ним как хвост начинает выстраиваться некоторая цепочка событий, которая к этому факту привела. И в этой цепочке событий мы можем сейчас указать на любой какой-то факт. В этом месиве мы ищем, почему одно следует за другим и так далее, и выстраиваем, иллюзорно выстраиваем, некоторую цепочку, которую называем закономерность.

Вы посмотрите, там, внутри этой цепочки, тоже всё шито белыми нитками. Мы начинаем думать, что, а, да, вот за этим шагом должно следовать... Так вы посчитайте: может, не следует, может, следует. Поэтому, видите, получается вот такой хвост. Потом мы говорим, что, да, вот Пушкин не приехал, вспоминаем какого-то зайца. Как только мы указываем на зайца — за ним целый хвост своих событий. Заяц не случайный

никак: он почему-то бежал, там свои события одно за другим. Назовём это цепочкой событий.

И вот тут главный факт: одна цепочка событий пересеклась с другой цепочкой событий. Это означает, что какое-то одно сущностное явление, жизнь зайца, и другое сущностное явление, жизнь Пушкина, — в какой-то момент пересеклись. Мы называем точку этого пересечения случайностью. Вот и всё, тут нет ничего особенного.

Вы спрашивали, как нас учили. Мы, похоже, учились в одно и то же время. Но меня учили очень просто: пересечение закономерностей есть случайность. Это одна формула, я не знаю, из какой это философии. А вторая формула такая: случайность — это непознанная необходимость. Но мне больше нравится пересечение закономерностей. Мы просто называем это случайностью. Они пересеклись, значит, они как-то эти хвосты переплели — хвост за одним событием и хвост за другим. И на какое бы явление мы ни указали, сразу получается два хвоста. Они могут пересечься? Нет. Какая-то такая вот информация для размышления.

С.Н. Ениколопов

Только насчёт двух хвостов — это упрощение, потому что, во-первых, заговорили про зайцев только почему [Пушкин] он не приехал к декабристам. Не было бы этой истории с декабристами, никого бы не волновало, сколько зайцев встретило Пушкина на опушке. Во-вторых, мы не знаем этой истории с точки зрения извозчика. Хотела лошадь ли...

А.Н. Привалов

Пушкин вообще же мог всё придумать.

С.Н. Ениколопов

Мог придумать. И дальше начинается вот это гигантское количество «хвостов», и в основном у меня возникает ощущение, спор идёт, сколько...

Т.В. Черниговская

Заячьих хвостов.

С.Н. Ениколопов

Заячьи хвостики маленькие. Вот кто бежал за зайцем, более длинный хвост имел, — то ли лиса, то ли волк, — кто его гнал?

Т.В. Черниговская

Бенкендорф.

С.Н. Ениколопов

Бенкендорф, точно! Но вот этот весь спор, вообще говоря, вызывает у меня ощущение, что неслучайно всё время происходит передёргивание разного рода наук. Значит, то, что первый докладчик нам рассказывал, — про историю, случайность исторических событий, закономерность или нет и так далее. Потом начинают привязывать

квантовую механику, куда зайцы вообще не вписываются никак. Потому что один из самых важных вопросов, который существует: одно зерно — это одно зерно, два зерна — два, три — три. Когда начинается куча зёрен?

А.М. Трояновский, заместитель директора Института физических проблем РАН имени П.Л. Капицы

Больше трёх.

С.Н. Ениколопов

Ну вот. И дальше спор становится каким-то немножечко бессмысленным. Хотим вернуться к началу: роль случая в истории — можем обсуждать. Роль случая в жизни зайца тоже интересна, но менее интересна, потому что трудно себе представить, что кто-то идентифицирует себя с зайцем. А уж Большой взрыв — это вообще, так сказать, предел фантастики.

В принципе, наше желание исследовать поведение с самого начала и до конца, оно, конечно, такое идеальное, но мы ограничены в количестве знакомых, которых можем исследовать. А в нужный момент нам нужен совершенно другой человек, чтобы понять его и прочее. Мы всё время будем упрощать либо придумывать какую-то теорию, которая будет уходить в теорию заговора.

Вот мне не нравится, когда меня называют «мыслящим сгустком», потому что либо я сгусток, либо мыслящий — две разных истории. И поэтому давайте договоримся: кто мы, сгустки, неизвестно что делающие, или мыслящее неизвестно что, даже не материальное?

А.Я. Каплан

Мыслящий тростник.

Т.В. Черниговская

Солярис.

С.Н. Ениколопов

Кому хочется быть тростником, может быть тростником, кто сгустком — тот сгустком.

А.Н. Привалов

Феликс Вельевич, прошу вас.

Ф.В. Разумовский, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»

Добрый вечер, друзья! У нас сегодня очень экзотичное такое собрание, совершенно антинаучное, потому что если представить такую современную историческую монографию, то, конечно, автор будет тщательно избегать разговора о случайности. Он будет настаивать на неких закономерностях и как-то нас убеждать в том, что его понимание этих закономерностей самое глубокое, точное и так далее. Поэтому у нас сегодня действительно такое предновогоднее собрание — разговор о случае.

Ф.В. Разумовский (слева)

Но я обращаю ваше внимание на категорию исторических сочинений, где тему случая авторы не избегали, а наоборот, тщательно фиксировали те случаи, из которых, собственно, и состоит наша история. Эти сочинения называются летописями. Вот летопись — это такая тщательная фиксация тех случаев, которые происходят в жизни народа.

То, что Семён Аркадьевич так замечательно рассказал две истории, на мой-то взгляд, была тоже такая замечательная, новогодняя конечно, провокация, потому что события, на которых он зафиксировал своё внимание, никак не изменили вот тот очевидный для нас ход истории, о котором мы все знаем. То есть случаи не изменили ситуацию, связанную с выступлением на Сенатской площади, и уж тем более не изменили ситуацию, связанную со сталинским террором. Может быть, наоборот, проявили. Но я сейчас попробую обратить внимание на случай другого рода. Когда происходят события, ведущие к совершенно... А результат другой.

Вот, например, история нашей Великой смуты начала XVII века. Вообще-то, Россия должна была погибнуть. Полная деграция государственности, того, сего, пятого, десятого. И вдруг вот эти люди, совершенно продажные, абсолютно лишённые чести и того, сего, пятого и десятого, — вот они начинают действовать. Среди них, правда, два известных персонажа, которые пытаются что-то спасти, — это наши герои Минин и Пожарский. Но это капля в море, потому что всё, что происходит там с освобождением Москвы, с собиранием Земского собора, с выбором царя и так далее, — это, на самом деле, все те случаи, которые полностью опровергают закономерность.

В чём тут дело? На мой взгляд, это обычное такое, характерное и впечатляющее проявление Промысла Божьего. В чём смысл этого Промысла — это я возвращаюсь к тому, с чего начал наш председатель, в свою очередь процитировав Даля. В чём, собственно, характерная особенность действия Промысла — это и есть в полном смысле слова случаи. В чём особенность? Всё, что происходит в результате этого, в результате появления случая, ведёт к благу человека, несмотря на то что вообще бог

знает что может происходить, и так далее, и так далее, но обязательно ведёт к благу. И поэтому вот такого рода случаи, мне кажется, в общем, требуют по крайней мере какого-то особого внимания при нашем осмыслении истории.

Их нельзя замалчивать, но мы их привычно замалчиваем, хотя эти случаи, о которых говорится: рука Всевышнего Отечество спасла, а таких моментов в русской истории очень много. Причём это важнейшие моменты и это действие на самом деле великих случаев. Их действительно очень много, и они действуют, самое интересное, до сих пор и обязательно к нашему благу. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Феликс Вельевич. Неожиданный заряд оптимизма.
Яков Моисеевич, прошу вас.

Я.М. Миркин

Спасибо. Может быть, даже в некоторое продолжение предыдущего выступления. Я всегда смотрел на историю с точки зрения «если не Иванов — так Сидоров, не Сидоров — так Петров». Да, конечно, то, что Иванов — это случайность, но не было бы его, появился бы Петров. Не было бы Сталина, появился бы кто-то, какая-то другая фигура, которая бы, может быть, делала что-то более мягко, не так репрессивно и так далее. Но в целом течение жизни в той модели советского общества, которая создавалась, было бы примерно то же самое.

Но сегодня прозвучала точка зрения, дважды прозвучала, что есть реальные поворотные моменты, когда влево — это одно, вправо — это другое, третья дорожка — совсем другое. То есть действительно случайность.

У меня просьба к Семёну Аркадьевичу, поскольку я так понимаю, у вас будет ещё заключительное слово. Можете вы изложить вашу точку зрения, какие моменты в истории России, на примере России, были действительно поворотными, то есть поворотными там, где играла роль именно случайность на полную катушку? Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо. Семён Аркадьевич, это вам на будущее вопрос. Если хотите, прямо сейчас скажите.

С.А. Экштут

Прямо сейчас, Яков Моисеевич, отвечу. Я мог бы вам привести массу таких примеров, но приведу один совершенно неожиданный, где проявляется фундаментальная роль случая.

Царскосельские манёвры, если мне не изменяет память, 1876 год. В этот момент император Александр Николаевич, он же Александр II Освободитель, переживает непростой период взаимоотношений со своей супругой, Марией Александровной, которая хлопочет за славянское дело. У Александра Николаевича рождается очередной ребёнок от княгини Кати тогда ещё Долгоруковой, а не Юрьевской. Царь чувствует себя виноватым и хочет сделать что-то для государыни. Государыня просит, чтобы царь что-то сделал для славянского дела. Господам офицерам, которые присутствуют на этих царскосельских манёврах, хорошо описанных в «Анне Карениной»,

разрешается выходить в отставку без прерывания линии старшинства, то есть их старшинство не нарушается, и они могут добровольцами ехать в Сербию воевать.

В это же самое время Александр II прекрасно понимает, что не надо ввязываться в войну с Турцией. Впервые в России бездефицитный бюджет — это по вашей части, Яков Моисеевич. Великие реформы начинают давать свои плоды. Ещё не прозвучала вот эта мысль о том, что «дайте нам 20 лет покоя, и мы создадим великую Россию», но министр финансов умоляет государя не ввязываться ни в какую внешнюю авантюру, говоря, что иначе все реформы пойдут прахом.

Царь прекрасно понимает, что ему не нужна война. Военный министр Милютин прекрасно понимает, что ему не нужна война. И тем не менее в результате сцепления случайностей они идут на поводу у своих каких-то чувств, эмоций и тому подобное. Россия объявляет мобилизацию, смотрите вот эту знаменитую картину «На войну». Полгода держит армию под ружьем, потом начинает войну, и война, в общем, заканчивается ничем. Россию отбрасывают назад, революционное движение, бомба народовольца — и всё.

Далее другая случайность. Примерно в то же самое время царь Александр за несколько минут до гибели подписывает манифест, по которому в России должны собрать выборных и при Государственном совете должно быть создано такое собрание выборных людей со всей русской земли, которые будут обсуждать важные вопросы государства. То есть, по сути, мы получаем такой предпарламент. И Милютин, и другие современники говорили: ничего, это никакой не парламент, ну соберут людей, ну поговорят они...

Но дело в том, что если бы этих людей собрали, то те наболевшие вопросы, которые действительно существовали, стали бы гласно обсуждаться. И тех, кто эти вопросы будировал, за эти речи, может быть не крамольные, но достаточно вольные, их бы никто не наказывал. Страна на несколько десятилетий раньше узнала бы, с какими проблемами она столкнулась, и к чему бы это привело, один бог знает.

Я хочу просто привести фразу Плеханова, который не любил случайность и, в общем, старался её изгнать. Для Плеханова и влиятельные личности, и исторические случайности — это нечто вторичное по отношению к логике истории: ни случай, ни выдающаяся личность не могут изменить общее направление исторического развития; но они могут повлиять на индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия.

Да, общая линия исторического развития в принципе могла бы быть такой же, но судьбы людей, иной раз судьбы людей незаурядных, были бы совсем другими и они могли бы не состояться или, наоборот, состояться. И вот это нам не дано предугадать. Вот поэтому я и говорю, что нужно отмечать роль случайностей в истории, и я говорил только об этом и ни о чём другом. А вот примеров такого рода случайностей я мог бы вам привести очень много, потому что вы задали свой вопрос, он был абсолютно случаен, и я отвечал вам без подготовки. А если бы я подумал, я бы вам таких примеров привел бы десятки.

А.Н. Привалов

Спасибо большое.

Ю.А. Петров

Можно реплику?

Ю.А. Петров (слева)

Вот если бы вы подумали, Семён Аркадьевич, вы бы всё-таки не свели причины Русско-турецкой войны к отношениям императора с нелюбимой женой. Она была нелюбимая, что же он ей так захотел потакать? В искупление своей вины?

С.А. Экштут

Да, конечно.

Ю.А. Петров

Ну, это все... Было огромное общественное движение, был Славянский комитет. Вся Россия шла освобождать. Вы скажите об этом болгарам, которые поставили памятники Александру II, собор Александра Невского в Софии построили. Какая случайность? Это был как бы некий его внутренний долг перед братушками. Независимо от того, как они сейчас себя ведут, царя они любят, ей-богу, и до сих пор они понимают, что создание болгарского государства — это заслуга России целиком и полностью. Сводить всё к набору некоторых мелких деталей, мне кажется, не помогает понять сути. А мы историки всё-таки, мы же не просто фактографы и летописцы. Мы же хотим понять, найти какой-то смысл в истории, понять причинно-следственные связи, во всяком случае, вот о чём речь. А иногда переход с такой, сугубо... Но, я думаю, это немножко такой рождественский антураж и контекст такой полушутиливый. Но всё-таки останемся более-менее на научных позициях, я бы так сказал.

С.А. Экштут

Гениально, Юрий Александрович. Но тогда объясните, почему братушки дважды воевали против нас и сейчас занимают такую позицию? Исходя из этой закономерности, стоило ли их освобождать — большой вопрос, извините.

А.Н. Привалов

Да. Заслуга образования болгарского государства или вина России?
Татьяна Владимировна, прошу вас.

Т.В. Черниговская

Поскольку прозвучало слово «Царскосельский», то две вещи по ассоциации. Какое-то время назад я у Пушкина наткнулась на замечательную фразу: «старайся наблюдать различные приметы». И я думаю, что эти зайцы и вообще его внимание к приметам — это вот отсюда.

И второе — вспомнился стих лауреата Царскосельской премии нашей, поэта Сергея Стратановского. Стих такой:

О, лик случайности — хозяйки кирпичей,
Вниз падающих с крыш на головы проходим,
Летающих прямо в нас из Божьей пустоты.
Вот собралась толпа. Убит!
Неужто ты!
Нет. Слава Богу нет. Лишь на тебя похожий.

Мне кажется, замечательное стихотворение. «Хозяйки кирпичей» ...

А.Н. Привалов

Спасибо. Есть ещё желающие высказаться? Прошу вас.

О.П. Кузнецов, *главный научный сотрудник ИПУ РАН, доктор технических наук, профессор*

Сегодня почти у каждого выступающего звучало противопоставление случайности и закономерности. Но ведь если это так, то выражение «статистическая закономерность» было бы оксюмороном. А это не так.

Вот Семён Аркадьевич сказал, я даже записал его фразу: «Фундаментальная роль случая в науке не определена». То есть как бы случай и наука — вещи несовместные.

С.А. Экштут

Исторически.

О.П. Кузнецов

Но ведь в науке есть целая теория про случайность, она называется «Теория вероятностей», и в неё входят такие науки, как математическая статистика, теория случайных процессов. Правда, случаи, которые изучаются в науке, имеют одну особенность — они все основаны на повторяемости. Повторяемость — это очень важная, существенная, фундаментальная методологическая вещь для всех естественных наук. Эксперимент должен быть точно описан, чтобы любой коллега мог его повторить. Эксперименты в науке должны повторяться.

О.П. Кузнецов

Приведу две цитаты. Они как бы не связаны, но вторая объясняет первую. Одна — известный афоризм Эдисона: «Многие из тех, кто потерпел в жизни неудачу, — это люди, не понимавшие, как близко они находились к успеху в тот момент, когда сдались».

И вот интересный комментарий, фактически комментарий к этому, хотя сказано совсем про другое: «Ни в коем случае нельзя останавливаться на полдороги и поворачивать назад, ибо раз случайность играет определённую роль в нашей жизни, то один из важнейших факторов, определяющих успех, находится под нашим контролем».

Как это, случайность под нашим контролем? А именно: количество шагов, количество используемых шансов и возможностей. Если вы хотите преуспеть, удвойте частоту своих неудач. Ведь действительно, если говорится, у вас один шанс из десяти, так сделайте десять попыток.

А.Н. Привалов

Если у вас есть 10 рублей на десять ставок.

О.П. Кузнецов

Вот. Иное дело, что бывают случаи совсем другого сорта — так называемые одиночные случаи. К сожалению, как раз исторические примеры полны всё-таки по большей части вот такими одиночными случаями. Но и там просматриваются закономерности.

Вот, например, то, о чём сказал Александр Николаевич про этот случай с Абакумовым: не там, так в другой раз. То есть появляется нечто вроде неточных повторов, я бы сказал, окна возможностей, когда вероятность того, что событие произойдёт, резко возрастает. И когда эти окна возможностей появляются, но не один, не два раза, — тогда действительно можно говорить даже о какой-то повторяемости в истории, хотя, конечно, полной повторяемости в истории, видимо, нет.

Ну и, наконец, бывают совсем уникальные случаи. Например, Тунгусский метеорит. Или то, что по модной совсем недавно книге Талеба называлось «чёрным лебедем». Это события, которые не то чтобы предсказывали с очень малой вероятностью, — никто вообще не знал, что они возможны. Это вот совсем другое дело.

Короче говоря, надо представлять себе, что случаи бывают разные. Бывают случаи повторяющиеся, и их можно изучать, их можно измерять. Бывают действительно уникальные случаи. Например, когда мы говорим о прогнозе какого-то события, которое может произойти или не произойти, но почему-то. Напомню анекдот про девицу, которую спросили, какова вероятность того, что вы на улице встретите динозавра, она ответила: 50 на 50, либо встречу, либо нет. Понятно, что это неверно, потому что, сколько бы ты на улице ни выходил, динозавра ты не встретишь. Ну и так далее.

Я хотел сказать только о том, что случаи бывают разные. В том смысле, что, в зависимости от типа случайности, смотреть на эту случайность можно совершенно по-разному. Есть случайности, которые можно измерять, а есть действительно случайности уникальные, непредсказуемые.

М.И. Москвин-Тарханов

Можно?

А.Н. Привалов

Пожалуйста.

М.И. Москвин-Тарханов

Здесь как-то говорят про квантовую физику, про математику. А я вот с другого места собираюсь поглядеть. У меня три жизни, как у неких странных животных.

Первая моя жизнь прошла в лаборатории — цитология, клеточная биология (я биолог по базовому образованию, гистолог). Как-то Резерфорд назвал нашу науку соединением физики и кулинарного искусства, такое интересное определение. Он говорил, наука делится на физику и собирание марок. И что же такое химия и биология? Он говорил, соединение физики с кулинарным искусством.

Так вот, берётся колба, чтобы окрасить её по Рамон-и-Кахалю [испанский врач и гистолог] либо железным гематоксилином. Я обращаюсь к специалистам по нервной деятельности — первым делом, оказывается, надо найти большой ржавый гвоздь. Опытный лаборант смотрит и говорит: нет, этот гвоздь не годится. Берёт следующий гвоздь — кажется, подходит, и кидает его в банку. После этого колбу ставят на солнечный свет для созревания. Алхимия, чистый XVII век. А дальше важно, чтобы «только Наташа её передвигала». Потому что, если начинает её передвигать Петя, образуется осадок.

Вот в такой науке пришлось немножко поработать, тогда не было всякой разной красивой посуды, а были чашки Петри, то, сё, пятое, десятое. Ну и в чашке Петри что-то растёт, и это что-то часто загрязняется. Появляется грязь какая-то, колонии каких-то бактерий, — надо выбрасывать всё барахло. И только один человек, Флеминг, заметил в этой чашке Петри, что, если в одном углу завёлся грибок, а в другом бактериальная колония, — эта колония отодвигается и разрушается грибком. Так был изобретён пенициллин.

Вот это благотворное, о чём говорил господин Разумовский, спасло миллионы жизней, просто миллионы. Это что, Провидение, интуиция? Это случай или некое, так сказать, такое дыхание гения? Тут тоже интересный вопрос.

О.П. Кузнецов

Так же Рентген случайно открыл рентгеновские лучи.

М.И. Москвин-Тарханов

Да.

О.П. Кузнецов

Но если бы не он открыл, через какое-то время открыл бы кто-то другой, вот в чём дело. Так же с и Флемингом.

М.И. Москвин-Тарханов

Да, но за это время умерли бы миллионы.

О.П. Кузнецов

Это да.

А.Н. Привалов

Господа, локальные дискуссии мы пресекаем. Есть еще желающие высказаться? Тогда с вашего позволения предоставляю слово Семёну Аркадьевичу.

С.А. Экштут

Я хочу сказать, что я ставил своей задачей как-то развлечь здесь присутствующих в ситуации, когда мы вступили в зону турбулентности, да ещё накануне Нового года. Мне хотелось как-то вдохнуть некоторую толику оптимизма в головы здесь присутствующих. Полагаю, что мне это удалось. Во всяком случае, удалось развеселить присутствующих. Всем спасибо!

А.Н. Привалов

Спасибо вам, Семён Аркадьевич. Буквально два слова, как полагается, хотя подводить итоги сегодняшней дискуссии было бы довольно дико. Просто к тому, что сегодня было высказано одно принципиальное соображение, что мы же можем выбирать. Причём этот выбор мы делаем довольно рано, и случай, когда люди меняют этот выбор, не очень частый. Значит, мы — сгустки создавшейся при Большом взрыве пыли или мы — образ и подобие Божие? От ответа на этот основополагающий вопрос довольно многое зависит. В частности, отношение к самому понятию случая, к самому понятию случайности, и, на самом деле, ничего тут дурного нет. Мы во многих отношениях разные, и на случай мы смотрим по-разному, и случаи бывают очень разнообразны.

Тем не менее и те, кто сгустки пыли, и те, кто образ Божий — все должны в преддверии Нового года поздравить друг друга и выпить. Прошу вас!

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 121
Его Величество Случай
Редактор выпуска *Наталья Румянцева*

nikitskyclub@moex.com
www.nikitskyclub.ru